

ГУМАНИТАРНЫЕ ПЕРЕМИРИЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (ОПЫТ АНАЛИЗА БАЗ ДАННЫХ)

Екатерина Степанова*

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений Российской академии наук

ORCID: 0000-0003-4666-4921

© Е. Степанова, 2025 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2025-2-28-53

Аннотация На основе сравнительного анализа статистики международных баз данных за 35 лет проведено исследование гуманитарных перемирий как военно–гуманитарного формата и их соотношения с мирными процессами в общемировом масштабе. Статья развеивает мифы о гуманитарном характере большинства перемирий, об обусловленности начала или хода мирных переговоров гуманитарными перемириями и об их приоритетной «привязке» к мирным процессам. Согласно полученным результатам, гуманитарные перемирия составляют явное меньшинство среди форматов прекращения огня. При этом большинство (до 65%) гуманитарных перемирий, почти равномерно распределенное по конфликтным регионам мира, вообще не связано с какими-либо переговорами, кроме чисто военных и гуманитарных контактов, то есть заключается на стадии продолжающегося конфликта. Сделаны выводы о том, что (а) гуманитарная помощь и гуманитарные операции не специфичны для мирных процессов; (б) гуманитарные аспекты более характерны для перемирий как временной паузы в военных действиях или формата «ни мира, ни войны» на фоне вялотекущего насилия в отсутствие мирных переговоров; (в) гуманитарные перемирия в девяти из десяти случаев не являются условием начала переговоров о мире и не предваряют их.

Ключевые слова перемирия, гуманитарные перемирия, вооруженные конфликты, мирные процессы, базы данных

Title Humanitarian ceasefires: myths and realities (database analysis)

Abstract This study based on a comparative analysis of statistics from international databases for over 35 years is focused on humanitarian ceasefires as a military–humanitarian format and on how they relate to peace processes worldwide. The article dispels myths about the humanitarian nature of most ceasefires, the conditionality of peace negotiations on humanitarian ceasefires, and the priority association of such ceasefires with peace processes. Humanitarian ceasefires are shown to constitute a clear minority among ceasefire formats. Also, up to 65 percent

---

* Екатерина Андреевна Степанова – руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов и главный научный сотрудник Отдела международно–политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, доктор политических наук, профессор РАН.

Ekaterina Stepanova heads the Peace and Conflict Studies Unit and is a Chief Researcher at the International Politics Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

of humanitarian ceasefires, almost evenly distributed among the world's main conflict regions, are not linked to any talks other than purely military and humanitarian contacts, i. e. most humanitarian ceasefires are concluded at the stage of an ongoing conflict. It is concluded that (a) humanitarian aid and humanitarian operations are not specific to peace processes; (b) humanitarian aspects are more typical of ceasefires as temporary pauses in active hostilities or a "no peace, no war" format amidst simmering violence in the absence of peace talks; (c) in nine out of ten cases, humanitarian ceasefires are not a condition for the start of peace negotiations and do not immediately precede them.

Keywords ceasefires, humanitarian ceasefires, armed conflicts, peace processes, databases

---

I. Введение

Соглашения о перемирии и режимы прекращения огня – распространенный формат на разных стадиях современных вооруженных конфликтов и процессов их урегулирования. Среди задач, которые призваны решать перемирия, заметное место, особенно в общественном сознании, занимают гуманитарные вопросы. Более того, перемирия часто прочно ассоциируются именно с решением гуманитарных задач в конфликтной зоне.

С одной стороны, хотя гуманитарная активность может идти на любой стадии вооруженного конфликта, мало-мальски эффективное обеспечение так называемого гуманитарного доступа, доставки и распределения гуманитарной помощи и иных видов гуманитарной поддержки населения конфликтной зоны, действительно, требует определенного затишья в ходе военных действий и снижения их интенсивности, а в идеале – хотя бы временного прекращения огня. С другой стороны, решение гуманитарных вопросов в условиях активного конфликта (в «тумане войны») или на фоне перехода от войны к миру и их взаимосвязь с перемириями – это проблемы, которые носят политически заостренный, подчеркнута медийный и чувствительный для общества характер, что неизбежно делает их предметом разнообразных и многочисленных домыслов, спекуляций, манипуляций и завышенных ожиданий и ведет к распространению – если не преобладанию – ряда устойчивых мифов и стереотипов в этой сфере. Среди них, например:

– использование гуманитарных аспектов и соображений в качестве (одних из) основных и наиболее распространенных общественно–медийно–политических аргументов в пользу «перемирия любой ценой», по принципу «главное – прекратить страдания людей (мирного населения), остальное – потом или менее важно»;

– убежденность в том, что гуманитарные перемирия – это непременно «предвестник мира» и что они по определению облегчают и продвигают мирное урегулирование конфликта;

– представление о том, что перемирия в целом и гуманитарные перемирия, в частности, – это необходимое и обязательное условие либо для начала любых содержательных переговоров о мире (мирного процесса как такового),* либо, по

---

* Мирный процесс определяется автором как «усилия по прекращению вооруженного конфликта путем диалога (переговоров) между представителями основных конфликтующих сторон по ключевым вопросам, по поводу которых ведётся вооруженное противостояние». Подробнее см. Степанова Е. А. Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9. С. 5–18.

крайней мере, для заключения мирного соглашения уже в ходе и по результатам соответствующих переговоров.

Живучесть и повсеместное распространение таких стереотипов могут отражать все что угодно – от искреннего гуманитарного императива и стремления к миру до формы политико–психологического давления со стороны посредников, прямых участников конфликта и иных заинтересованных акторов в их собственных целях и политических манипуляций общественным сознанием. Однако нас в данном случае интересует не то, чем вызваны эти устойчивые стереотипы (что заслуживает отдельного актуального исследования), а то, как они соотносятся – и соответствуют ли вообще – современным реалиям войны, мира и перехода от войны к миру, то есть насколько они опираются на существующие научные данные и подтверждены эмпирически. В этой связи возникают два комплекса исследовательских вопросов.

Во-первых, насколько распространены гуманитарные перемирия – прежде всего, по отношению к другим перемириям, не ставящим гуманитарных целей и не содержащим гуманитарных положений? Иными словами, насколько гуманитарные вопросы и содержание *типичны* для современных перемирий – форматов и соглашений о прекращении огня? Насколько гуманитарные перемирия распространены в мире и как они распределены по регионам и по времени за три с половиной десятилетия, прошедшие после окончания «холодной войны» и развала биполярной системы? Для каких видов современных конфликтов наиболее характерны гуманитарные перемирия?

Во-вторых, как гуманитарные перемирия соотносятся с переговорными процессами по мирному урегулированию конфликтов? Как такие перемирия распределены по разным стадиям мирного процесса? Действительно ли они, как правило, служат условием начала переговоров о мире? Как часто они заключаются на стадии активного вооруженного конфликта в отсутствие (или до) переговоров о его мирном урегулировании? Как в основном завершаются гуманитарные перемирия – выполнением их условий, продлением, провалом или ничем – и как это соотносится с военными действиями (продолжением конфликта) или мирным процессом? Адекватные – то есть научно и эмпирически обоснованные – ответы на эти вопросы позволят также сопоставить гуманитарные перемирия с предложенной ранее – впервые в отечественной научной литературе – авторской типологией перемирий.¹ Согласно этой типологии, по сочетанию глубинного целеполагания сторон конфликта с тем, к какому его этапу относятся перемирия, они подразделяются на три вида: как часть, или элемент, военных действий («*перемирия военного времени*»), как часть мирного процесса («*перемирия ради мира*») и как промежуточный формат «*ни мира, ни войны*».

I. Анализ баз данных: возможности и ограничения

До недавнего времени адекватно ответить на поставленные выше вопросы было затруднительно. До второй половины 2010-х годов перемирия в мировой политической науке теоретически почти не изучались, а если и затрагивались, то в основном в разрозненных исследованиях отдельных кейсов. В отечественной политологии, за редкими исключениями,² такая ситуация сохраняется и по сей день; проблематика перемирий в основном фигурирует в исследованиях конкретных конфликтов и процессов их урегулирования российскими историками. Лишь в последнее десятилетие рост числа перемирий в контексте ряда широко интернационализированных, интенсивных и затяжных вооруженных конфликтов (в частности, в Сирии) стимулировал рост внимания к ним зарубежных

исследователей,³ но почти исключительно как к подспорью или элементу мирного процесса и при минимальном внимании к анализу различных видов и категорий перемирий, включая гуманитарные. А главное, долгое время анализ перемирий, в том числе гуманитарных, *в общемировом масштабе* был невозможен в силу отсутствия или ограниченности эмпирической базы в виде соответствующих «больших данных» – статистики по разным параметрам соглашений и режимов прекращения огня во всех современных конфликтах. Без опоры на такую статистику и ее научный анализ любые рассуждения на эту тему носили – и продолжают носить – спекулятивно–интуитивный характер.

Хотя ранее уже существовали базы данных по мирным соглашениям, они не учитывали перемирия (тем более, что это разные виды договоренностей, хотя они и могут сочетаться), в крайнем случае – указывали договоренности о прекращении огня только как подвид соглашений о мире.⁴ В конце 2010-х годов была впервые сформирована база данных по мирным соглашениям (за период с 1990 г.), которая в качестве одного из подвидов начала учитывать и соглашения о прекращении огня сразу в нескольких разрезах: как стадию переговоров, как их предмет и как наличие деклараций или реально прописанных положений о перемирии в тексте соглашений. Таким образом, коллекция баз данных о мирных соглашениях, созданная в рамках Программы по исследованию политического урегулирования при Эдинбургском университете (PA-X), стала пионером в этой сфере. В отечественной политологии первый теоретический анализ перемирий с учетом данных одной из предыдущих версий PA-X опубликован в 2023 г.⁵ В этой статье используется уже девятая, обновленная версия этой базы данных (PA-X v9, 2025).⁶

Однако база PA-X все же, в первую очередь, посвящена мирным соглашениям и мирным процессам. Первая же специализированная база данных о перемириях как таковых стала результатом совместного исследовательского проекта Федерального института технологии в Цюрихе (Eidgenössische Technische Hochschule Zürich / ETH) и Института исследования мира в Осло (Peace Research Institute in Oslo / PRIO).⁷ Эта база данных, известная как ETH/PRIO Civil Conflict Ceasefire Dataset (ETH/PRIO CF), охватывает широкий круг перемирий за период с 1989 г. по 2020 г. Методология ETH/PRIO CF была впервые опубликована еще в 2022 г.,⁸ однако сама база сначала оставалась недоступной для внешних исследователей. Лишь с середины 2020-х годов она размещена в открытом доступе. Таким образом, только на данном этапе появилась реальная возможность для анализа перемирий и любого их подвида (в том числе гуманитарных перемирий) в глобальном масштабе.

Возможность оперировать как минимум и *сразу двумя базами данных* в этой сфере необходима по многим причинам. В сравнительном плане наиболее важен не (с)только анализ самих массивов данных, сколько *сопоставление методологии* двух баз, так как оно иллюстрирует, как по-разному в них определяется и интерпретируется само понятие «перемирия». А уже это во многом объясняет кратное различие в количественном охвате перемирий этими двумя базами данных и иные разночтения между ними. Однако одновременно это позволяет взглянуть на проблему как бы с двух разных углов, что, безусловно, создает более объемную и реалистичную картину.

Основной единицей базы данных, разработанной в Эдинбургском университете (PA-X), является соглашение о мире (как часть мирного процесса), и на сегодняшний день эта база обеспечивает самый широкий охват таких соглашений. Это отчасти объясняет, почему PA-X включает лишь *официальные, подписанные и взаимные соглашения* – то есть как минимум двусторонние

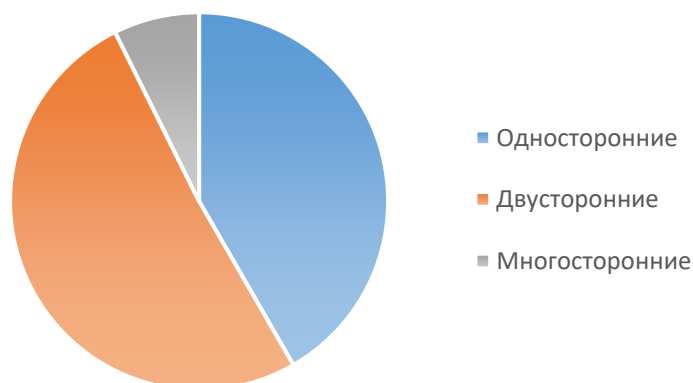
договоренности на бумаге между сторонами конфликта или их представителями. Мирное соглашение определяется в РА-Х как «официальный и общественно доступный документ, составленный по результатам переговоров с противоборствующими сторонами в конфликте, взаимно одобренный рядом или всеми такими сторонами и нацеленный на разрешение конфликта с целью его прекращения».⁹ Соответственно, РА-Х не учитывает чисто односторонние инициативы и устные декларации (если односторонний документ и регистрируется, то только как часть взаимного обмена документами в рамках соглашения о мире). Эта же логика автоматически распространяется и на регистрируемые РА-Х соглашения о прекращении огня. Методологи РА-Х определяют перемирия как «взятое на себя сторонами обязательство прекратить любые акты агрессии на земле, море, в воздухе, и любые другие действия, которые подрывают дух перемирия или идущий мирный процесс».¹⁰ «Соглашениями о перемирии» считаются только «тексты, которые в основном содержат обязательства сторон прекратить насилие, временно или на неопределенный период».¹¹ В соответствии с этими определениями, девятая версия РА-Х (апрель 2025 г.) включает 2144 соглашения за период с 1990-го по 2024-й год. Почти половина из них (1002) являются перемириями или включают разделы о прекращении огня.

В отличие от РА-Х, специализированная база данных ETH/PRIO CF посвящена именно перемириям и учитывает только их. Однако ее методологи и определяют перемирия, с одной стороны, гораздо шире и менее формально, а с другой, более точно. Согласно авторскому определению ряда методологов этой базы – К.Бара, Г.Клейтона и С.А.Рустада – «перемирия – это любой формат, в рамках которого сторона конфликта берет на себя обязательство по временному или перманентному прекращению насилия».¹² В кодовой книге этой базы данных (версия 1.1. от ноября 2024 г.) перемирия определены как «форматы, которые включают декларацию о временном или постоянном прекращении огня с определенного момента времени со стороны хотя бы одного участника конфликта».¹³ Это определение (а) сформулировано без прямой привязки к мирному процессу; (б) включает не только взаимное (двустороннее или многостороннее), но и одностороннее прекращение огня; (в) не требует обязательной письменной фиксации, то есть включает и устные договоренности, и не переоценивает соглашения «на бумаге».¹⁴ Такое определение позволяет охватить гораздо более полный спектр соответствующих инициатив и договоренностей, от кратких односторонних устных заявлений до формальных и детальных многосторонних соглашений. Соответственно, оно позволяет фиксировать в два раза больше перемирий, чем РА-Х, за сравнимый период времени: 2202 перемирия в 1989–2020 годах.¹⁵

Существенные разночтения, или большой зазор, между двумя базами данных в том, как они определяют и учитывают перемирия, хорошо демонстрирует *Рис. 1*. На нем, по данным ETH/PRIO CF, показано распределение только гуманитарных перемирий по числу их участников. 193 (42,8%) гуманитарных перемирий от их общего числа в 461 – это чисто односторонние инициативы или декларации, то есть они уже по определению отсутствуют в базе данных РА-Х. Оставшиеся гуманитарные перемирия, зафиксированные ETH/PRIO CF, – в основном двусторонние (их чуть более половины) и небольшое число многосторонних (около трех десятков). Из них в РА-Х также не регистрируются те, что официально не положены на бумагу и не подписаны. В то же время в ETH/PRIO CF, которая пока ограничена периодом с 1989-го по 2020 г. и не обновлялась с 2022 г., отсутствуют перемирия за последующие (2021–2024) годы, а РА-Х включает хотя бы те из них,

что не носят односторонний характер и официально задокументированы, а также ряд более ранних перемирий, ретроспективно добавленных в эту базу по мере ее регулярного обновления.

Рис. 1. Односторонние, двусторонние и многосторонние перемирия, 1989–2020 (ETH/PRIO CF)

Источник: подсчеты автора (далее везде) по данным ETH/PRIO CF.

На этом фоне неудивительно, что база ETH/PRIO CF включает в три с половиной раза больше гуманитарных перемирий, чем РА-Х (см. подробнее в *разделе III*). При этом поле пересечения между этими двумя базами данных невелико, а по ряду параметров – и минимально. С учетом того, что в части перемирий в целом это поле пересечения составляет всего 236 единиц (перемирий, фиксируемых одновременно в обеих базах), а в части гуманитарных перемирий – и вовсе 28 (!),¹⁶ очевидно, почему даже для относительной полноты картины необходимо использовать оба массива данных одновременно.

Суммируя основные преимущества базы данных РА-Х применительно к перемириям, особого внимания заслуживают следующие ее характеристики:

- регулярное обновление – как минимум ежегодно (доступность данных за период вплоть до предыдущего года включительно, то есть в конце 2025-го – за период вплоть до конца 2024 г.);

- охват соглашений в конфликтах всех типов по составу участников, то есть не только в преобладающих в рассматриваемый период внутренних, но и в относительно нечастых межгосударственных и все более распространенных негосударственных конфликтах (между негосударственными игроками);

- база данных включает не только параметры соглашений (в том числе о перемириях), но и полный корпус их текстов, предоставляя возможность их углубленного качественного, а не только количественного, анализа;

- удобство в работе и наличие детальной системы онлайн-поиска данных.

Основных особенностей РА-Х, которые одновременно и служат ее общими недостатками, и дают некоторые преимущества в работе конкретно с перемириями, две. Во-первых, хотя исключение односторонних и не зафиксированных на бумаге соглашений оставляет «за бортом» значительную часть перемирий, те, что остаются в РА-Х – это в большинстве случаев более существенные и заслуживающие внимания договоренности (уже в силу того, что они официально подтверждены как минимум двумя вооруженными противниками в конфликте, что особенно важно для режимов прекращения огня). Во-вторых, в отличие от ETH/PRIO CF, в число

перемирий в РА-Х включены и чистые декларации, и даже просто упоминания о прекращении огня (подкатегория, обозначенная как «имеющая отношения к перемириям» без указания их конкретных параметров, включая сроки, и иной детализации). Тем не менее, РА-Х выделяет и подкатегории «чистых», а также «смешанных» перемирий (когда пункт(ы) о прекращении огня являются подразделами более широких соглашений), рассматривает перемирие и как отдельную стадию переговоров/мирных процессов, а также фиксирует наличие «конкретных положений о перемирии» как одного из пунктов/вопросов в текстах соглашений. Этого вполне достаточно, чтобы определить *реальные* перемирия, которые выходят за рамки чисто декларативных призывов и содержат конкретные параметры прекращения огня.

В свою очередь, в пользу базы данных ETH/PRIO CF говорят:

– специализация на перемириях и их (наи)более широкий охват: база насчитывает 2202 перемирия с участием 469 акторов в 109 конфликтах в 66 странах в 1989–2020 годах;¹⁷

– совместимость с ведущей международной научной базой данных о вооруженных конфликтах Уппсальского университета (Швеция) и Института исследований мира в Осло (UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset) – правда, с ее версией от 2023 г., пока без учета последующих ежегодных обновлений;¹⁸

– фокус на реальных инициативах и соглашениях о перемирии (база не включает форматы, где прекращение огня лишь декларируется в общем виде без указания как минимум конкретной даты его вступления в силу);

– выделение гуманитарных перемирий как отдельного подвида перемирий по их заявленным целям.

Среди методологических недостатков базы ETH/PRIO CF можно отметить два главных. Во-первых, массив данных не обновлялся с 2020 г. – по крайней мере, по состоянию базы к 2026 г. Во-вторых, ETH/PRIO CF содержит данные (а) только по внутренним и внутренним интернационализированным вооруженным конфликтам (то есть внутренним конфликтам с внешней интервенцией на стороне одного или нескольких их участников), исключая перемирия в классических конфликтах между государствами, и (б) только по тем перемириям, где хотя бы одна из сторон – государство, тем самым игнорируя значительную часть локальных перемирий – все те из них, которые заключаются между негосударственными вооруженными акторами (в то время, как в рамках РА-Х хотя бы часть таких перемирий – не односторонние и документально зафиксированные – учитывается в специальной коллекции RA-Local).¹⁹

***

В целом, сопоставление методологии двух баз данных, основных для поиска ответов на поставленные в статье исследовательские вопросы, позволяет прояснить, что дает их сочетание и сравнение, а в чем состоят ограничения в работе с ними. С одной стороны, они по-разному определяют перемирия и, соответственно, имеют очень разный охват при небольшом поле пересечения, применимы не ко всем типам конфликтов и т. п. Все это делает прямой сравнительный анализ данных из двух баз затруднительным. С другой стороны, обе базы данных охватывают примерно один и тот же период времени (после окончания «холодной войны»), а для трех десятилетий – 1990-х – 2020-х годов – их временной ряд вообще совпадает. Также они обе имеют общемировой охват и позволяют выявить распределение перемирий, в том числе гуманитарных, по регионам. В обеих базах перемирия классифицируются и по стадиям конфликта/переговоров. Важно подчеркнуть, что обе позволяют так или иначе выделить гуманитарные перемирия и сформировать

их выборку. При этом и ETH/PRIО CF, и PA-X – хотя и по-разному – дают возможность сфокусироваться именно на «реальных перемириях». Они в целом соответствуют более детальному и практическому определению перемирия, сформулированному М.Окебо еще десятилетие назад – как не только *решения* о прекращении огня, но и комплекса связанных с ним *конкретных мер и процедур*: «ключевой предпосылкой соглашения о перемирии является согласие сторон прекратить огонь, но соглашение также определяет правила и условия этих усилий».²⁰

III. Гуманитарные перемирия: сравнительная выборка и динамика

Анализ баз данных PA-X и ETH-PRIО CF позволяет в каждом случае сформировать отдельную выборку гуманитарных перемирий, исходя из разного определения перемирий в этих двух базах.

Начать лучше с PA-X как с более ранней базы данных в этой сфере с более длительным временным охватом и более узким определением перемирия как такового – см. *раздел II*. Среди всех 2144 соглашений за 1990–2024 годы, зарегистрированных в девятой версии PA-X (включая как частичные и полные мирные договоренности, так и соглашения о перемирии), насчитывается 1002 соглашения о прекращении огня и разделов о перемирии в более широких мирных соглашениях. Из них 30% (301 соглашение) содержат только декларации о перемирии, его желательности или необходимости и общие призывы к прекращению огня (*декларативные перемирия*). И лишь остальные 750 соглашений о перемирии содержат конкретные положения о параметрах и деталях прекращения огня. В данном случае нас интересует именно эта категория, которую здесь предлагается обозначить как «*реальные перемирия*».*

В отличие от базы данных ETH/PRIО CF, в рамках PA-X не так просто выделить гуманитарные соглашения, так как они не обозначены как отдельный тип. Тем не менее, сформировать выборку гуманитарных перемирий возможно. За наиболее распространенную, типичную и близкую по сути к гуманитарной составляющей того или иного договорного формата по регулированию конфликта можно принять наличие в соответствующем соглашении специально прописанного положения (положений) о *гуманитарной помощи* и содействия ей, в том числе о гуманитарном доступе и других условиях ее оказания. Такой параметр в PA-X учитывается, пусть и на уровне подвопросов, или конкретных пунктов/разделов, соглашений. Если сосредоточиться только на этом параметре, то даже анализ всего ряда соглашений, учитываемых PA-X, (а не только перемирий) уже дает поразительные результаты, резко контрастирующие с общественным восприятием роли гуманитарных аспектов в переговорных процессах и договорных форматах в конфликтах. Из 2144 всех соглашений в PA-X за 1990–2024 годы гуманитарная помощь в том или ином виде фигурировала лишь в 280, то есть только в 13%²¹ – в подавляющем меньшинстве серьезных, официально задокументированных двусторонних/многосторонних соглашений по регулированию конфликтов.

Можно предположить, что вопросы оказания гуманитарной помощи (как основной формы относительно деполитизированного и технического чрезвычайного гуманитарного реагирования) теснее связаны именно с перемириями, чем с политическими соглашениями в ходе мирных процессов. Как показывает анализ данных PA-X, если это и так, то лишь отчасти. Если ограничиться только перемириями, то конкретные положения (а) о прекращении огня и (б) о гуманитарной помощи сочетались лишь в 132 соглашениях. Таким образом, из 750 реальных

---

* «Реальное перемирие» – авторский термин.

перемирий оказание гуманитарной помощи предусматривалось только в 17,6%, и это во всем мире за весь период (35 лет) после окончания «холодной войны». В новом веке (2001–2024) эта доля лишь незначительно выше: 90 перемирий из 437, или 20,6%.²² Показательно также, что доля «гуманитарки» в реальных перемириях – ниже, чем в декларативных.²³

Как бы гуманитарная помощь ни была недопредставлена в соглашениях о перемирии, остальные гуманитарные вопросы в них представлены еще меньше. Так, вопросы, связанные с *беженцами и внутренне перемещенными лицами (ВПЛ)*, затрагивались лишь в 15–17% реальных перемирий: причем в 112 (14,9%) из 750 таких перемирий – только на уровне риторики, чисто декларативно, а в 130 (17,3%) – более содержательно и конкретно. Впрочем, доля соглашений или разделов по беженцам и ВПЛ от общего числа всех соглашений в ПА-Х (2144) и того ниже: 12,6% – на уровне деклараций и 15,1% – в виде конкретных положений.²⁴ Кроме того, вопросы, связанные с вынужденным перемещением населения, не являются чисто гуманитарными, а нередко не просто имеют политический аспект, но и входят в число ключевых политических проблем и противоречий, оспариваемых в ходе конфликта (от непрекращающегося палестино–израильского противостояния до конфликта вокруг Нагорного Карабаха). Вопросы налаживания работы базовой *инфраструктуры*, разрушенной военными действиями, а тем более ее восстановления, для современных перемирий еще менее типичны. Они фигурируют только в 9,3% (70 из 750) соглашений о прекращении огня – реже, чем в каждом десятом реальном перемирии (в том числе лишь в 37 случаях за три с половиной десятилетия – в сочетании с вопросами оказания гуманитарной помощи). Так же низка доля реальных перемирий, включающих более амбициозные положения о «*гуманитарной защите*» (защите гражданского населения): она составляет те же 9,3%. Вопрос *свободы передвижения*, имеющий и гуманитарный аспект, затрагивается лишь в 6,3% случаев. Из всех гуманитарных аспектов меньше всего внимания в реальных перемириях уделяется вопросам *охраны здоровья* (меры по борьбе с инфекциями, эпидемиями, вакцинация и т. п.) – менее чем в 1,5% соглашений, а также экстренному размещению и предоставлению *временного жилья* мирным жителям в качестве убежища (крыши над головой) – всего в семи случаях (менее 1%).²⁵

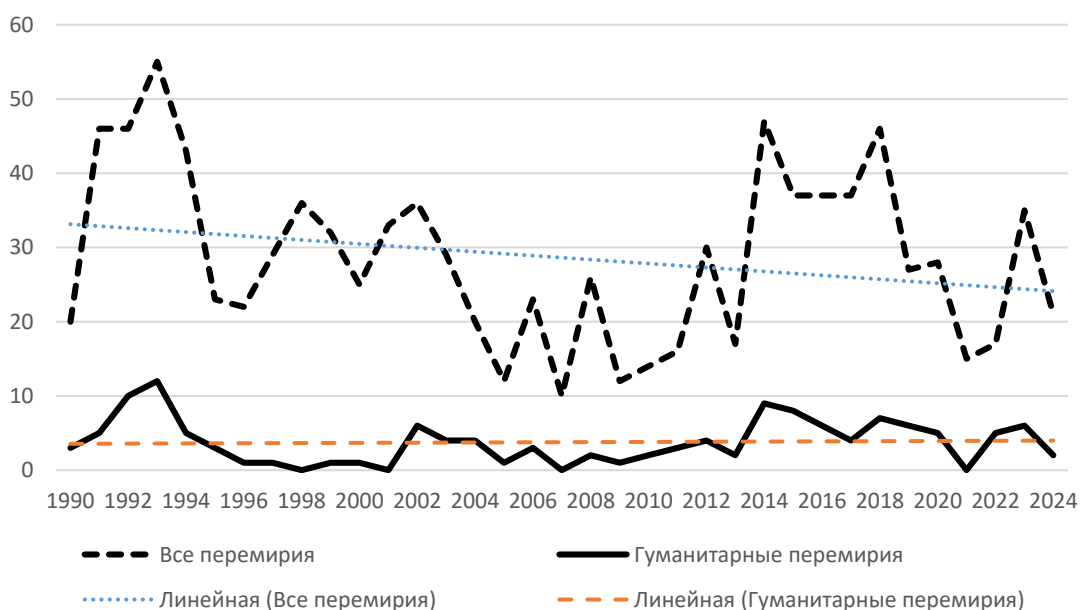
Соглашения о перемирии, в которых содержалось бы более одного гуманитарного аспекта, – тоже редкость. Так, оказание гуманитарной помощи и конкретные меры, касающиеся положения беженцев, сочетались лишь в 5,5% договоренностей о прекращении огня. А оба этих вопроса наряду с мерами по защите гражданского населения прописаны менее, чем в 2% реальных перемирий – в 12 соглашениях из 750 (из которых три – это, собственно, перемирия, а остальные – положения или разделы о прекращении огня как часть более широких мирных соглашений).²⁶

На этом фоне именно наличие в соглашении о перемирии, наряду с конкретно прописанными пунктами о прекращении огня, положений о гуманитарной помощи может рассматриваться как самый типичный и распространенный гуманитарный признак. Поэтому именно ряд из 132 перемирий, включающих в качестве одного из положений оказание гуманитарной помощи, ближе всего к категории «гуманитарного перемирия» и составил их основную выборку по ПА-Х в этой статье.

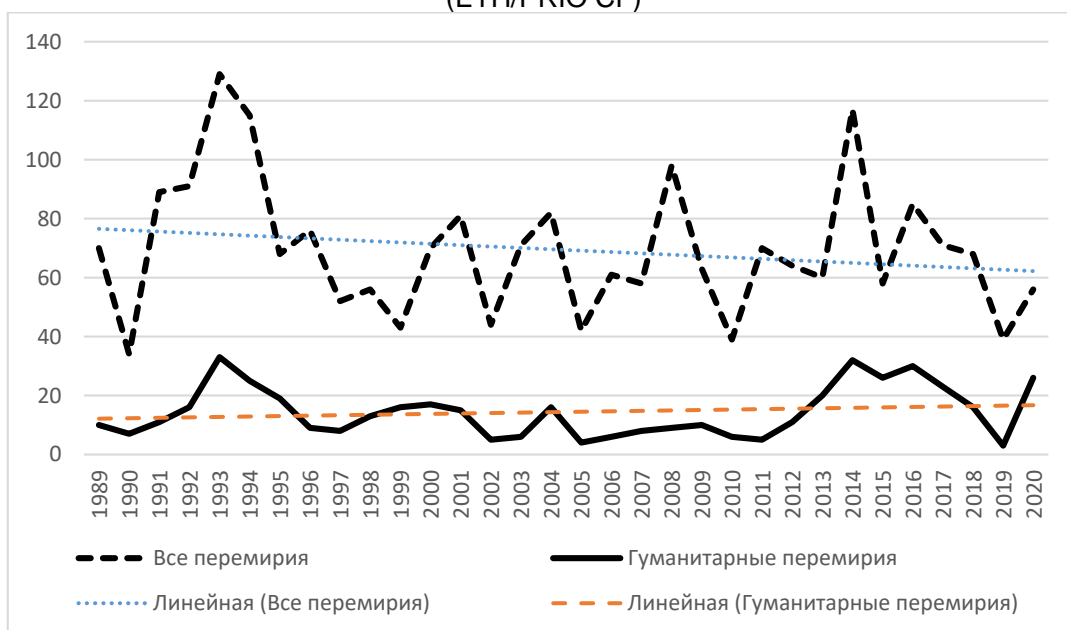
В свою очередь, в рамках ETH/PRIО CF, учитывающей только перемирия, помимо общей для них непосредственной задачи прекращения огня, они дополнительно классифицируются по своим иным целям. Определить истинные глубинные цели временного или неограниченного по времени прекращения огня часто весьма непросто: они могут быть подчинены задачам и логике последующего или параллельного мирного урегулирования, а могут, например, быть продиктованы

чисто военными соображениями и подчинены логике войны. Поэтому методологи ETH/PRIO CF были вынуждены сосредоточиться хотя бы на декларируемых целях перемирия в момент его заключения (объявления). Среди этих взаимно не исключающих друг друга целей есть и *гуманитарная*. Заявленная цель перемирия считается гуманитарной, если, на момент его вступления в силу, хотя бы одна сторона конфликта связывает формат прекращения огня со спасением жизней или оказанием помощи мирному населению (включая доставку гуманитарной помощи, вакцинацию, освобождение заложников, эвакуацию гражданских лиц из определенных районов и т. п.).²⁷ В соответствии с этим определением, по наличию гуманитарной цели среди заявленных целей перемирия, в ETH/PRIO CF за период с 1989-го по 2020-й год зафиксировано 461 гуманитарное перемирие, что составляет почти 21% от их общего числа (2202).

Рис. 2. Все перемирия и гуманитарные перемирия, 1990–2024
(PA-X v.9)

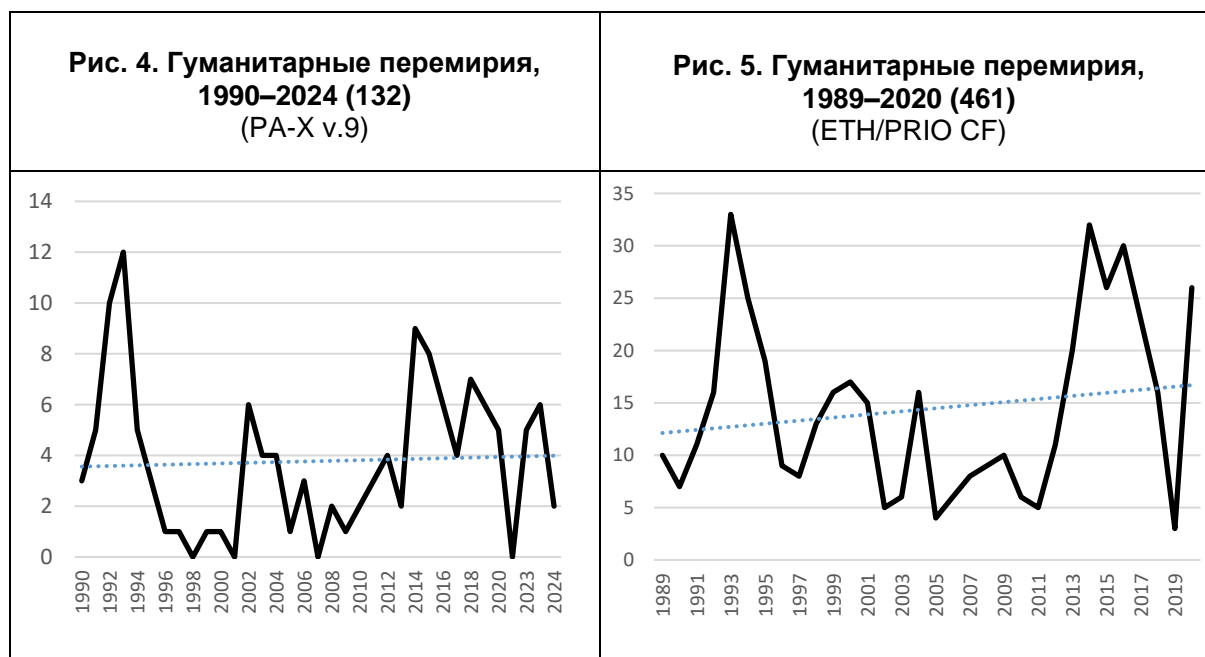

Рис. 3. Все перемирия и гуманитарные перемирия, 1989–2020
(ETH/PRIO CF)

Таким образом, у нас есть возможность оперировать сразу двумя выборками гуманитарных перемирий (132 соглашениями о перемирии из базы PA-X и 461 из базы ETH/PRIO CF).

На Рис. 2–3 в сравнительном контексте хорошо видно, какую небольшую часть от всех перемирий составляют гуманитарные – на протяжении всего рассматриваемого периода и вне зависимости от того, как их определять и какой базой данных пользоваться. В то же время показано, что – в обоих случаях – на фоне общего снижающегося линейного тренда для перемирий в целом тренд для гуманитарных перемирий демонстрирует слабый рост, то есть их доля в общем числе перемирий хотя и оставалась низкой, но медленно росла за последние три – три с половиной десятилетия.

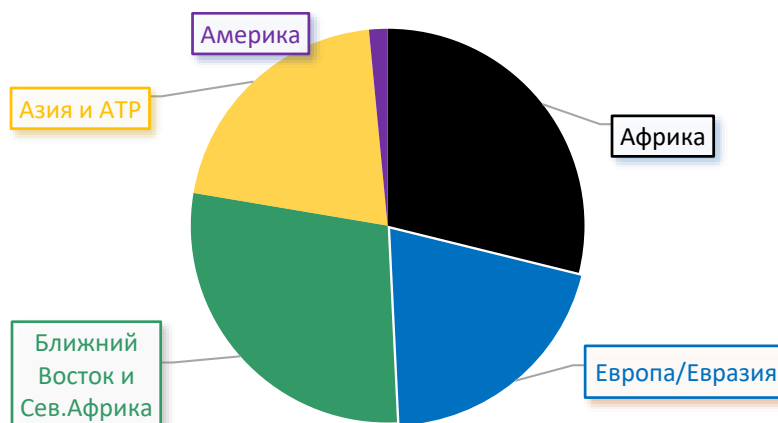
На Рис. 4–5 показана сравнительная динамика уже самих гуманитарных перемирий, согласно двум разным базам данных за (сравнимые) временные периоды, которые они покрывают. Несмотря на то, что это разные по масштабу и составу выборки, сформированные в соответствии с разным определением перемирий, в целом они демонстрируют нелинейную, но схожую динамику за рассматриваемый период (рубеж 1980-х/1990-х – 2020/2024 годы). При этом пиковые показатели гуманитарных перемирий в обеих выборках совпадают с пиковыми периодами, собственно, вооруженных конфликтов. Как отмечено выше, линейные тренды в обоих случаях также демонстрируют небольшой рост среднего числа гуманитарных перемирий в течение рассматриваемого периода (минимальный по узкой выборке PA-X и несколько более выраженный по широкой выборке ETH/PRIO CF). Это в целом соответствует слабо восходящему тренду самих конфликтов за этот период. Однако пиковое число гуманитарных перемирий в первый период повышенной конфликтности сразу по окончании «холодной войны» (начало 1990-х) – выше, особенно для ряда PA-X, чем в период более высокого второго пика мировой конфликтности второй половины 2010-х – начала 2020-х годов. Это значит, что несмотря на то, что в среднем число гуманитарных перемирий с конца XX века медленно росло, на современном, самом высоком пике конфликтности за этот период они все же менее распространены, чем на предыдущем пике вооруженных конфликтов тридцатипятилетней давности.

IV. Распределение гуманитарных перемирий по регионам мира и типам конфликтов

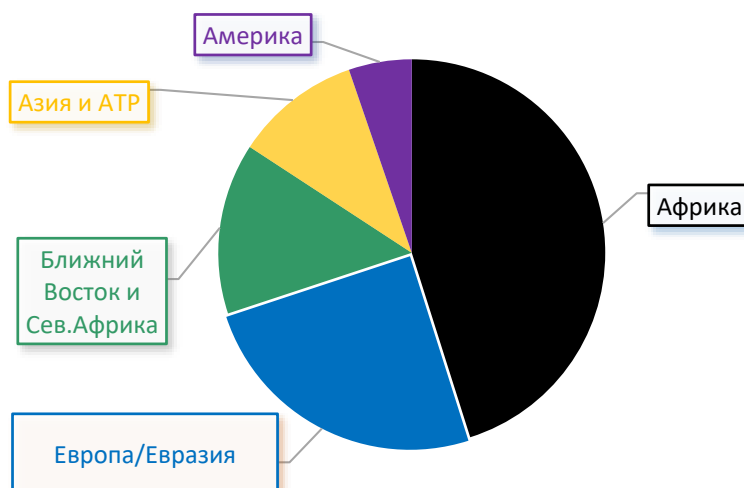
Обе базы данных позволяют распределить гуманитарные перемирия по основным (макро)регионам мира. В данном случае логичнее начать с более широкого ряда таких перемирий (см. *Рис. 6*). Согласно ETH/PRIO CF, по числу гуманитарных перемирий за весь период 1989–2020 годов лидировал регион Ближнего Востока и Северной (арабской) Африки: 138 из 461, или почти 30% перемирий. При этом более половины гуманитарных перемирий в данном макрорегионе (57%) пришлось на вооруженный конфликт в Сирии с 2011 г. На втором месте – Африка с 126 гуманитарными перемириями (чуть более 27% от их общего числа). В Африке также один абсолютный лидер – конфликт в Судане, на который пришлось 58% таких перемирий в регионе. При этом поражает минимальное число гуманитарных перемирий в ряде острейших и затяжных конфликтов на африканском континенте – в Мали, Нигерии, ЦАР, Эфиопии, Сомали и т. п. На третьем месте – Азия (включая АТР) с 96 гуманитарными перемириями (почти 21%) и двумя выраженными лидерами – конфликтами на Филиппинах и в Афганистане. За Азией следует Европа/Евразия, на которую пришлось 94 гуманитарных перемирия (около 20%), в основном за счет (пост)югославских конфликтов, особенно в Боснии и Герцеговине. Совокупно на конфликты в Боснии, Хорватии и Сербии (бывшей Югославии) пришлось 54% всех таких перемирий в рассматриваемый период, а еще 21% – на Украину. В целом региональное распределение гуманитарных перемирий примерно отражает распределение самих вооруженных конфликтов (среди лидеров по числу которых – те же три региона). При этом, однако, гуманитарные перемирия относительно равномерно распределены по четырем макрорегионам, включая и Европу/Евразию – несмотря на то, что этот регион значительно уступает первым трем по общему числу конфликтов в рассматриваемый период.

Гораздо сильнее диспропорция в отношении европейско–евразийского региона – повышенное число гуманитарных перемирий в меньшем числе вооруженных конфликтов, по сравнению с другими регионами – выражена в рамках их регионального распределения по данным РА-Х за 1990–2024 годы (*Рис. 7*). Хотя по числу гуманитарных перемирий из этой выборки лидирует Африка (60 перемирий из 132, или более 45%), а регион Ближнего Востока и Северной Африки (13,6%) также входит в тройку лидеров, Европа/Евразия выходит на второе место, и на нее приходится четверть таких перемирий в мире. Это, во-первых, свидетельствует о том, что для конфликтов в данном макрорегионе (прежде всего, в его европейской части) особенно характерен как раз тот тип перемирий, которые учитываются в РА-Х, то есть двусторонние перемирия, официально зафиксированные на бумаге. Во-вторых, если разбить временной ряд РА-Х на два периода – 1990-е годы и первую четверть XXI века (*Рис. 8–9*), то станет понятно, что Европа/Евразия занимает второе место по гуманитарным перемириям *только* за счет своего абсолютного лидерства по этому показателю в 1990-е годы, в конце прошлого века – в конфликтах в ходе распада федеративной Югославии (в основном), а также Советского Союза. В первой же четверти текущего века по числу гуманитарных перемирий Европа/Евразия откатилась *на последнее место*: в 2001–2024 годах на этот регион пришлось минимальное число двусторонних (многосторонних), официально задокументированных гуманитарных перемирий (3 из 91, или всего 3,3% – почти в рамках статистической погрешности).

Рис. 6. Гуманитарные перемирия, по (макро)регионам мира, 1989–2020 (ETH/PRIO CF)

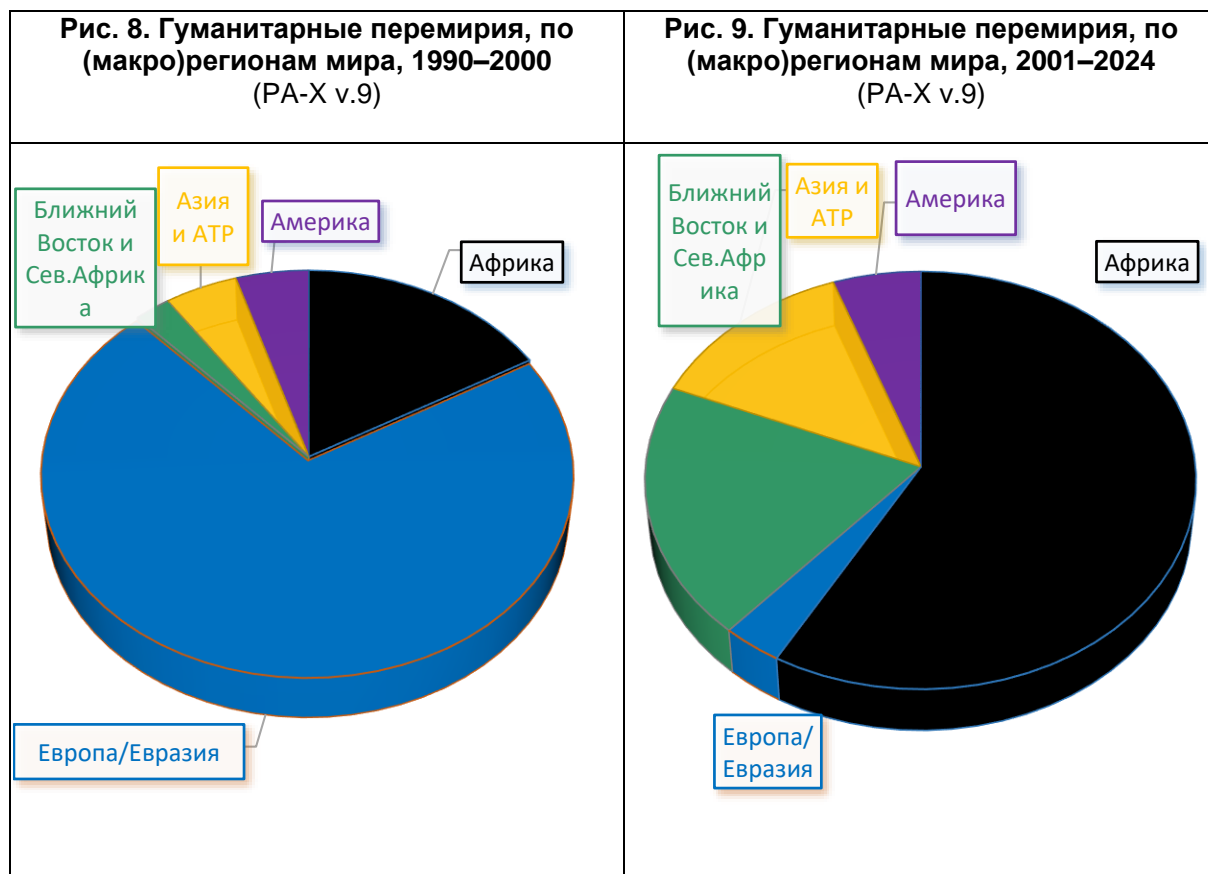

Рис. 7. Гуманитарные перемирия, по (макро)регионам мира, 1990–2024 (PA-X v.9)

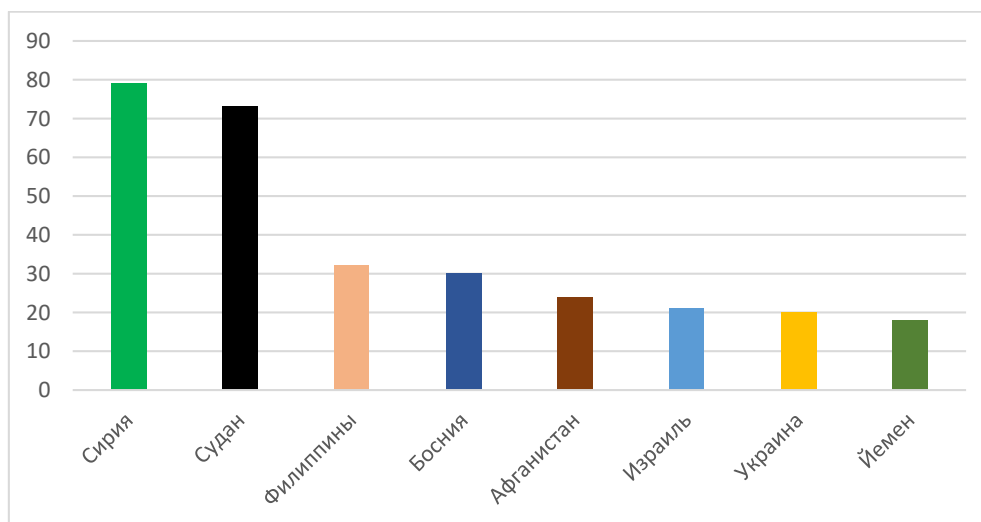

Региональное распределение гуманитарных перемирий также показывает, что в каждом из макрорегионов (кроме Америки, где их число минимально) абсолютное большинство или значительное число таких перемирий приходится лишь на одну–две страны – зоны особо интенсивных и затяжных вооруженных конфликтов. Так, по подсчетам на основе данных ETH/PRIO CF, только на две страны, лидирующие по этому показателю с большим отрывом от остальных – Сирию (79) и Судан (73) – пришлось, соответственно, около 17% и 16% всех гуманитарных перемирий в мире за три десятилетия. Среди лидеров в своих регионах и в мире также – в порядке убывания – Филиппины, Босния, Афганистан, Израиль, Украина и Йемен (Рис. 10). Интересно, что страны (и конфликты) с наибольшим числом гуманитарных перемирий не обязательно совпадают с лидерами по общему числу перемирий. Судан и Сирия – в лидерах по обоим показателям: Судан занимает первое место в мире по общему числу перемирий, 43% которых носят гуманитарный характер, а Сирия – на четвертом месте по общему числу перемирий, 56% которых – гуманитарные. Однако, например, у таких стран, входящих в пятерку лидеров по всем перемириям, как Филиппины (третье место) и Израиль (пятое место), доля

гуманитарных перемирий не превышает 20% – одной пятой – от их общего числа. Поразительны данные по Индии, которая занимает высокое третье место в мире по общему числу перемирий (167), но за тридцать лет лишь одно (!) из них (0,6%) носило гуманитарный характер.

Рис. 10. Страны–лидеры по числу гуманитарных перемирий во внутренних и интернационализованных внутренних конфликтах, 1989–2020 (ETH/PRIO CF)

Показательно, что во всех странах – лидерах по гуманитарным перемириям они заключались в конфликтах внутреннего типа (включая внутренние интернационализированные конфликты, то есть гражданские войны с внешней интервенцией в пользу одной или нескольких сторон внутреннего вооруженного противостояния). Это отражает и общую картину по гуманитарным перемириям.

Так, база данных ETH/PRIO CF – гораздо более широкая по охвату перемирий, чем PA/X – в принципе учитывает лишь перемирия во внутренних конфликтах между государством и негосударственным игроком, в том числе с внешней интервенцией в ход таких конфликтов: ее полное название – *ETH/PRIO Civil Conflict Ceasefire Database* [курсив *Е.С.*].

Несмотря на то, что более узкая по охвату PA-X позволяет распределять перемирия по разным типам конфликтов по составу участников, картины это сильно не меняет. И по данным PA-X, три четверти гуманитарных перемирий (76,5%) также приходятся на *чисто внутренние* конфликты (на национальном уровне), а если к ним добавить *внутренние интернационализированные* конфликты, то эта доля возрастет почти до 85%.²⁸ Интересно, что четверть гуманитарных перемирий во внутренних интернационализированных конфликтах за период до 2020 г. включительно пришлась на Астанинский процесс по Сирии* и заключена при активном участии России. Если же к перечисленным категориям добавить еще перемирия в так называемых внутренних *локальных* конфликтах (в контексте более широких конфликтов, но между локальными вооруженными игроками и/или по поводу локальных противоречий), то на все виды внутренних конфликтов придется более 98% гуманитарных перемирий.²⁹ И это с учетом того, что численность локальных перемирий в базе данных PA-X сильно – возможно, многократно – недооценена.³⁰ Доля же официальных двусторонних гуманитарных перемирий в межгосударственных конфликтах крайне низка (1,5%), что, впрочем, вполне отражает низкое число и долю конфликтов этого типа в общем числе современных вооруженных конфликтов (0–3 в год в первые десятилетия XXI в.).³¹

V. Гуманитарные перемирия и мирные процессы

Перемирия объявляют на разных стадиях конфликта и процесса перехода к миру. Вопреки распространенным стереотипам, особенно в СМИ и в общественно–политических кругах, соглашения о прекращении огня и соответствующие форматы и режимы не обязательно являются частью мирного процесса. Они могут выполнять разные функции по ходу конфликта, в том числе не имеющие явного – или никакого – отношения к попыткам его мирного урегулирования. Для перемирий в целом это положение уже доказано на базе анализа существующей статистики в ранее опубликованных авторских работах. На этом в значительной мере основана и предложенная автором в 2023 г. содержательная классификация перемирий по глубинному целеполаганию сторон и по тому, к какой стадии конфликта они относятся и какие задачи в основном решают – (а) как части (этапа) военных действий, (б) как перемирий «ради мира» и (в) как промежуточных форматов по типу «ни мира, ни войны».³² Однако в отношении гуманитарных положений и аспектов перемирий особенно устойчива иллюзия об их неременной прямой связи с усилиями по установлению мира и об их обязательном важном вкладе в мирный процесс.

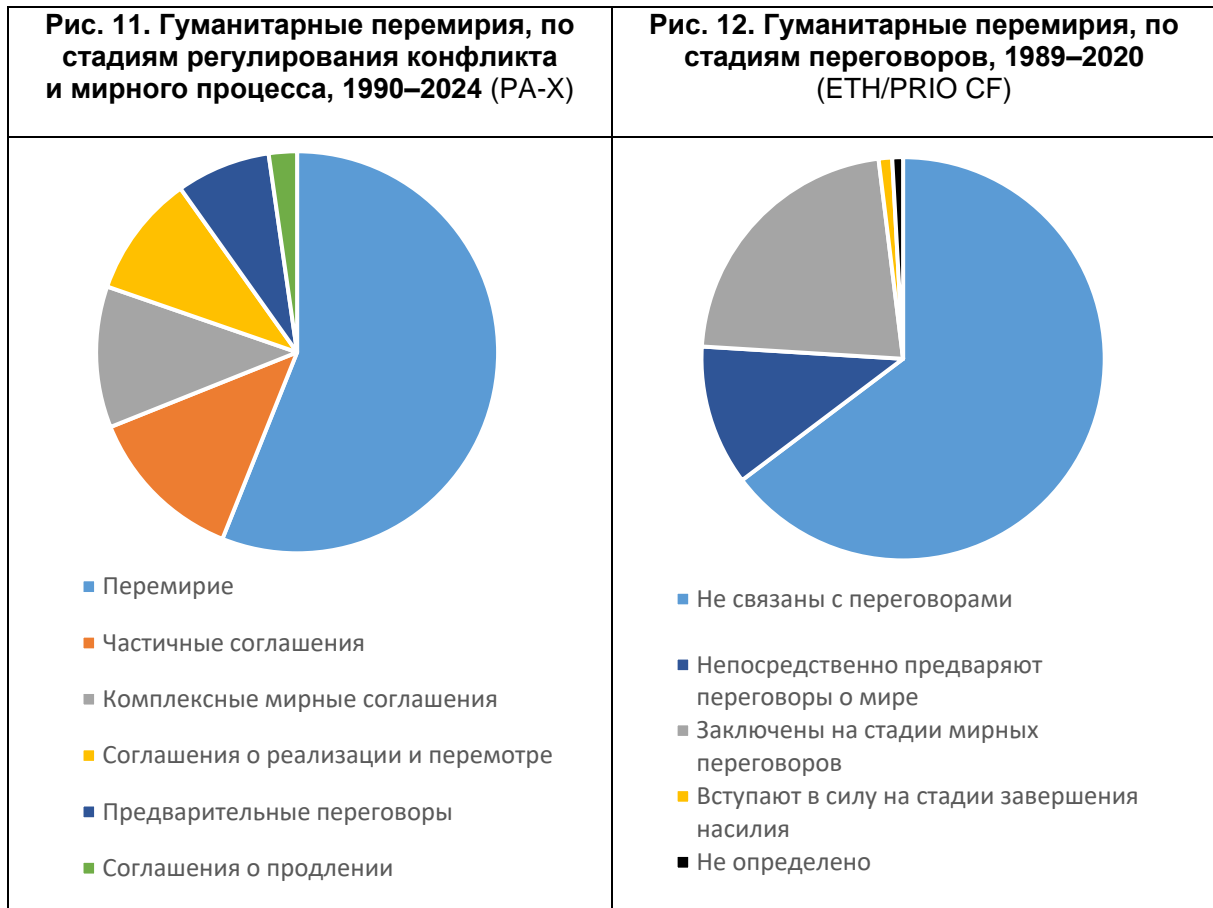
* Астанинский процесс – переговорный процесс по Сирии, который велся с января 2017 г. по осень 2024 г. Коспонсорами и гарантами этого формата и посредниками между правительством Б.Асада и относительно умеренной, в том числе исламистской, частью вооруженной оппозиции выступили Россия, Турция и Иран.

С одной стороны, существенное улучшение гуманитарной ситуации для гражданского населения – одна из важных задач и результатов успешных гуманитарных перемирий «ради мира». В частности, без прогресса в гуманитарной сфере сложно заручиться устойчивой общественной поддержкой мирного процесса. С другой стороны, гуманитарные положения перемирий могут как использоваться в поддержку мирного процесса, так и диктоваться логикой военных действий (например, попытками выиграть время для консолидации, перегруппировки, маневрирования, перевооружения и снабжения вооруженных сил). Так, хотя обмен «своим» и «чужим» населением в рамках перемирия может выглядеть как чисто гуманитарная акция, на деле он нередко, в первую очередь, нацелен на то, чтобы зафиксировать результаты военных действий и текущий баланс сил. К положениям «двойного назначения» относятся и обеспечение гуманитарного доступа, включая гарантии безопасности и передвижения для гражданского населения, военного персонала, гуманитарных работников и международных наблюдателей, предоставление конвоев и транспорта для беженцев, внутренне перемещенных лиц и гуманитарных организаций, снятие или установление блокпостов для регулирования передвижения людей и перевозки товаров, эвакуация раненых и гражданских лиц, обмен телами убитых и обмен или освобождение пленных и т. п.

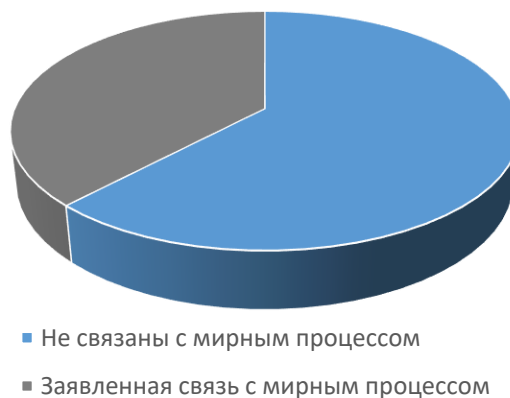
Однако теперь появилась возможность выяснить и показать на базе сравнительной статистики, как и насколько гуманитарные перемирия соотносятся с мирными процессами.

База данных РА-Х позволяет распределить нашу основную выборку гуманитарных перемирий по стадиям урегулирования конфликта. Как суммировано на *Рис. 11*, из 132 реальных гуманитарных перемирий за последние три с половиной десятилетия более половины (74, или 56%) относятся, собственно, к отдельной *стадии перемирия*, а не к одной из стадий политических переговоров. Эти соглашения о прекращении огня либо открывают стадию перемирия, либо заключены на этой стадии, еще без привязки к каким-либо мирным переговорам – то есть *не связаны с мирным процессом как таковым*. Еще 7,6% гуманитарных перемирий приходятся на этап *предварительных переговоров* до заключения каких-либо (первых) мирных договоренностей, которые могут быть, а могут и не быть достигнуты. Иными словами, если верить статистике РА-Х, то лишь в очень небольшом числе случаев (только в каждом тринадцатом) гуманитарные перемирия непосредственно предваряют мирные переговоры в связке с ними. Если объединить эти две категории, то 63,5% – почти две трети гуманитарных перемирий из выборки по РА-Х – либо не связаны с переговорами о мире, либо заключены на стадии переговоров, еще не приведших к частичным или полным мирным соглашениям.

Остальные 36,5% гуманитарных перемирий по РА-Х почти равномерно распределены по трем стадиям мирного процесса: (а) *частичные* субстантивные (содержательные) мирные договоренности – около 13%; (б) *комплексные* мирные соглашения – около 11%; (в) соглашения, как правило дополнительные, о *реализации* ранее принятых мирных договоренностей или об их *пересмотре* – почти 10%. Меньше всего гуманитарных перемирий (3 из 132) зафиксировано на стадии *продления действия* мирного соглашения, что логично, так как эта стадия обычно свидетельствует об уже относительной устойчивости мирного процесса и, как правило, о значительном снижении уровня насилия.

Рис. 13. Гуманитарные перемирия с заявленной целью продвижения мирного процесса, 1989–2020 (ETH/PRIO CF)

В рамках базы данных ETH/PRIO CF проблему соотношения гуманитарных перемирий с мирными процессами можно исследовать на основе сразу двух параметров.

Во-первых, ETH/PRIO CF позволяет классифицировать перемирия по их отношению к мирному процессу на уровне заявленной цели: декларирует ли перемирие цель поддержки и продвижения мирного процесса (в том числе в виде условия мирных переговоров, сигнала готовности к диалогу о мире, обеспечения режима безопасности для ведения переговоров и в целом снижения насилия в ходе

мирного процесса и т. д.). Эта цель отлична от гуманитарной, но не исключает ее, то есть можно определить ряд перемирий, сочетающих обе цели. По подсчетам автора, из 461 гуманитарных перемирий в 1989–2020 годах лишь 175 (38%) были «перемириями ради мира», то есть были связаны с мирным процессом на уровне заявленной цели (см. *Рис. 13*). Соответственно, большинство гуманитарных перемирий (62%) из этой более широкой выборки, чем в РА-Х, с мирным процессом *не связаны*. Из всех регионов мира гуманитарные перемирия были относительно чаще связаны с мирными процессами в Европе/Евразии (и то лишь в 52% случаев). В Африке таких гуманитарных перемирий было уже менее половины (44%), на Ближнем Востоке и в Северной Африке – их доля и того ниже (36%), а в Азии – ниже всего (19,8%, или только каждое пятое перемирие).³³

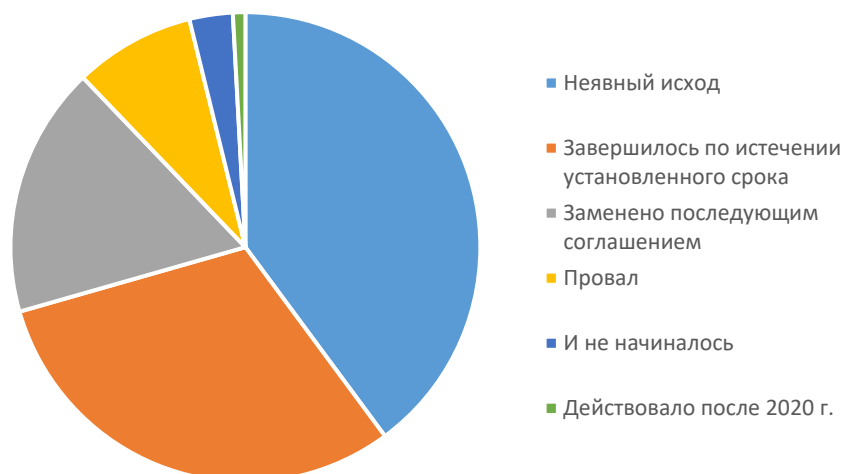
Во-вторых, ETH/PRIО CF, как и РА-Х, позволяет распределить перемирия, в том числе гуманитарные, *по стадиям переговоров о мире* (параметр “*timing*”) – см. *Рис. 12*. Такие переговоры определены широко – как переговоры, выходящие за рамки прекращения огня и гуманитарных вопросов.³⁴ Подсчеты показывают, что значительное большинство гуманитарных перемирий (299 из 461, или почти 65%) *не связано с какими-либо переговорами*, кроме чисто военных и гуманитарных контактов. Причем такие перемирия довольно равномерно распределены по четырем макрорегионам мира (из пяти, кроме Америки), то есть *наиболее типичны* для гуманитарных перемирий вне зависимости от того, к конфликтам в каком регионе мира они относятся. Следующая по численности категория насчитывает в три раза меньше перемирий (102, или 22%, то есть примерно лишь каждое пятое). К ней относятся гуманитарные перемирия, заключенные уже *после* начала переговоров о мире – непосредственно *в ходе мирного процесса*. Интересно, что, хотя на стадии уже идущего мирного процесса гуманитарные перемирия заключаются в три раза реже, чем в ходе активного конфликта в отсутствие каких-либо переговоров, это все равно чаще, чем на «предпереговорном» этапе: лишь 11% гуманитарных перемирий заключаются *перед началом переговоров о мире в прямой связи с ними* или одновременно с их началом. Проще говоря, иллюзия о том, что гуманитарные перемирия служат обязательным условием начала переговоров о мире или как минимум их непосредственно предваряют, противоречит данным статистики, а с учетом того, что это не подтверждается данными двух разных баз – не соответствует и действительности.

VI. Исходы и эффективность гуманитарных перемирий

Одно из преимуществ использования более одной базы данных для исследования того или иного феномена – в данном случае, гуманитарных перемирий – с разных сторон состоит в наличии в одной базе ряда параметров, которые отсутствуют в другой. Так, в ETH/PRIО CF велся учет и того, чем закончились перемирия, что позволяет нам выявить распределение гуманитарных перемирий по типу их исхода (см. *Рис. 14*).

С одной стороны, явных *провалов* гуманитарных перемирий, то есть их коллапса в период заявленного срока действия (провала, фиксируемого согласно соответствующим заявлениям сторон конфликта или международных посредников) немного – 8,5% от их общего числа. Если к ним добавить перемирия, которые закончились, *не успев начаться* и вступить в действие (еще около 3%), то в сумме это даст всего 11,5% (53 гуманитарных перемирий из 461).

Рис. 14. Исходы гуманитарных перемирий, 1989–2020 (ETH/PRIO CF)

С другой стороны, это отнюдь не означает, что остальные почти 90% гуманитарных перемирий были успешными. Более половины оставшихся (или 40,6% от общего числа гуманитарных перемирий) имели так называемые *неявные исходы*. К этой категории отнесен широкий спектр вариантов – от отсутствия достоверных данных о завершении или продолжении режима прекращения огня или обсуждения сторонами необходимости нового перемирия до возобновления вооруженных столкновений (военных действий) в промежутках между серией перемирий. Эти варианты типичны для перемирий как формата «*ни мира, ни войны*» – одного из трех видов, выделяемых, согласно авторской типологии, наряду с перемириями как элементом военных действий и перемириями «ради мира». Показательно, что такая высокая доля неявных исходов среди гуманитарных перемирий в целом соответствует общему раскладу исходов самих современных конфликтов (среди которых, по подсчетам автора за период 2001–2020 годов с еще бóльшим отрывом устойчиво лидируют неявные исходы по типу «ни мира, ни войны», составившие 57% всех вариантов «завершения» конфликтов).³⁵

Чуть менее трети (31,2%) гуманитарных перемирий завершили свое действие *в обозначенный срок или после выполнения заявленных целей*. Однако, несмотря на то, что данная категория включает только выполненные перемирия, она присваивалась лишь в том случае, если режим прекращения огня *не был продлен*. А это может обозначать как успех перемирия в деле устойчивого прекращения огня (то есть перемирия «ради мира»), так и «успешное» решение перемирием лишь ограниченных, временных задач, включая гуманитарные, в рамках его роли как паузы (передышки) в ходе продолжающихся военных действий. Наконец, наиболее устойчивые режимы прекращения огня наблюдались в 17,6% гуманитарных перемирий, которые были либо продлены, либо на смену им пришли иные последующие (мирные) договоренности.

Таким образом, более половины гуманитарных перемирий (более 52%) либо имеют неявный исход по типу «ни мира, ни войны» (в большинстве случаев), либо, реже, заканчиваются провалом или вовсе не начинаются. Еще около трети гуманитарных перемирий реализованы, но могут относиться как к перемириям «ради мира», так и к перемириям как части войны, продиктованным, в том числе в части своих гуманитарных аспектов, военной необходимостью. При этом лишь менее

пятой части гуманитарных перемирий продляются или непосредственно им на смену приходят более широкие договоренности.

Эта картина не противоречит наблюдению самих методологов ETH/PRIО CF о том, что из всех перемирий именно после гуманитарных наиболее высока вероятность возобновления вооруженного насилия. Однако они связывают это лишь с краткосрочным характером большинства таких перемирий и с тем, что они обычно заключаются в тяжелой обстановке в плане условий безопасности.³⁶ В данной же статье это объясняется в рамках авторской типологии перемирий по сочетанию глубинного целеполагания сторон с тем, к каком этапу конфликта относятся перемирия – то есть тем, что значительное большинство гуманитарных перемирий в принципе относятся либо к форматам «ни мира, ни войны», либо к перемириям как части и этапу военных действий.

VII. Заключение

Эффективное решение гуманитарных вопросов, связанных с вооруженным конфликтом – особенно острых гуманитарных кризисов – требует хотя бы относительных условий безопасности, которые может обеспечить минимально гарантированное прекращение огня – перемирие. В целом перемирия часто ассоциируются с гуманитарной сферой и аспектами, а в общественном сознании и вовсе нередко воспринимаются как, в первую очередь, гуманитарные мероприятия. Более того, гуманитарные перемирия часто видятся исключительно в связке с ожидаемым, последующим или параллельно идущим мирным процессом и рассматриваются как чуть ли не обязательное условие начала мирных переговоров.

В научно–методологическом плане проверить, соответствуют ли эти представления – полностью, частично или хоть сколько-нибудь – *реальному положению дел*, можно только путем выявления *объективных* глобальных тенденций в этой сфере и параметров исследуемого явления. Это, в свою очередь, требует опоры на материалы ведущих мировых баз данных по изучаемой проблематике, при условии критического анализа их методологии. При всех (немалых) ограничениях такого подхода, в решении задач выявления, фиксации и отслеживании глобальных тенденций и параметров того или иного явления или процесса работе с базами данных просто *нет альтернативы* (все остальное – «от лукавого»).

В данном случае с недавнего времени в распоряжении исследователя имеются сразу две базы данных (РА-Х и ETH/PRIО CF), учитывающие перемирия в общемировом масштабе более чем за три последних десятилетия (с 1990-х по начало 2020-х годов) и позволившие провести анализ их гуманитарной разновидности. Несмотря на кардинальные различия в методологии этих баз данных и – в результате – минимальное поле пересечения между ними в интересующих нас данных, их сравнительный анализ не только возможен, но и необходим. Во-первых, сопоставление картины, полученной из двух таких разных баз данных, позволило получить более объемную картину гуманитарных перемирий с разных углов зрения. Во-вторых, наличие в каждой базе данных по каким-то параметрам, отсутствующим в другой, дало возможность дополнить и обогатить полученные результаты и более точно выявить тенденции и специфику гуманитарных перемирий. И, наконец, в-третьих, если анализ двух таких разных баз данных, сформированных в соответствие с разной методологией, позволяет – несмотря ни на что – выявить однонаправленные или схожие тенденции по тем или

иным аспектам изучаемой проблематики, то, с научной точки зрения, трудно подойти ближе к истинному положению дел.

Действительно, несмотря на все различия в методологии используемых в исследовании баз данных, по ряду ключевых вопросов, связанных с гуманитарными перемириями, они демонстрируют не просто однонаправленные, а схожие тенденции.

Во-первых, проведенный сравнительный анализ свидетельствует о том, что на деле *гуманитарные перемирия составляют лишь небольшую часть (около одной пятой) соглашений о прекращении огня* – вне зависимости от того, как их определять и какой базой данных пользоваться. Согласно РА-Х, за последние 35 лет даже такой основной вид гуманитарной деятельности, как элементарное оказание гуманитарной помощи, предусматривался менее чем в 18% из 750 соглашений, содержащих конкретные положения о прекращении огня, то есть реальных, а не чисто декларативных, перемирий. При этом все иные гуманитарные аспекты (помощь беженцам и внутренне перемещенным лицам, восстановление разрушенной инфраструктуры, физическая защита гражданского населения и охрана его здоровья и т. п.) затрагиваются в современных перемириях еще реже. Подсчеты по альтернативной базе данных ETH/PRIО CF также показывают, что лишь менее 21% от общего числа перемирий (2202) в 1989–2020 годах имели, среди прочих, и гуманитарную цель. При том, что за последние три – три с половиной десятилетия доля гуманитарных перемирий в общем числе перемирий оставалась низкой, она – по данным обеих баз – все же демонстрировала медленный и небольшой рост. Это в целом соответствует слабо восходящему тренду самих вооруженных конфликтов за этот период.

Во-вторых, если поместить гуманитарные перемирия в контекст более широкого мирного процесса, складывается следующая картина. По подсчетам автора на основе данных РА-Х, более половины (56%) гуманитарных соглашений о прекращении огня либо открывают отдельную стадию перемирия, либо заключены на этой стадии, без привязки к каким-либо мирным переговорам – то есть *не связаны с мирным процессом как таковым*. По подсчетам по ETH/PRIО CF, большинство гуманитарных перемирий (62%) из их более широкой выборки, чем РА-Х, не связаны с мирным процессом уже на уровне своих *заявленных целей*. Впрочем, и *на практике* – в плане соотношения с разными этапами (регулируемыми) конфликта – значительное большинство гуманитарных перемирий из этой выборки (65%) вообще *не связано с какими-либо переговорами*, кроме чисто военных и гуманитарных контактов. Такая картина характерна для всех регионов Восточного полушария, на которые в совокупности приходится львиная доля гуманитарных перемирий (Азии, Африки, Ближнего Востока и Северной Африки, а также Европы/Евразии), и она наблюдается вне зависимости от того, к конфликтам в каком из этих регионов мира они относятся. Итак, результаты анализа данных как РА-Х, так и ETH/PRIО CF – несмотря на все различия в методологии и охвате этих баз – однозначно *опровергают* миф о том, что гуманитарные перемирия являются неотъемлемой частью мирного процесса, связаны преимущественно с ним и в основном приходятся на этап мирных переговоров или сопровождают их.

В-третьих, по данным РА-Х, лишь 7,6% гуманитарных перемирий приходятся на этап предварительных переговоров о мире до заключения каких-либо мирных договоренностей. Анализ данных ETH/PRIО CF также показывает, что только 11% гуманитарных перемирий заключаются на «предпереговорном» этапе – перед началом переговоров о мире в прямой связи с ними или одновременно с их началом. Иными словами, лишь в очень небольшом числе случаев – в одном из тринадцати

(РА-Х) или одном из десяти (ETH/PRIО CF) – гуманитарные перемирия непосредственно предваряют мирные переговоры в связке с ними. Таким образом, неосознанная иллюзия или сознательно продвигаемый политический тезис о том, что перемирие обязательно предшествует переговорам или соглашению о мире или служит их предварительным условием, беспочвенны – особенно если они мотивируются или обосновываются гуманитарными соображениями. На основе проведенного сравнительного анализа статистики можно считать доказанным, что *гуманитарные перемирия, как правило, не являются условием начала переговоров о мире и не предваряют их.*

В-четвертых, сопоставление данных РА-Х и ETH/PRIО CF позволяет если не точно классифицировать все гуманитарные перемирия в соответствии с авторской типологией (что требует тщательного контекстного и качественного анализа каждого из них), то хотя бы в целом получить представление о том, как они соотносятся с тремя видами перемирий, выделяемыми в ее рамках. Как показывает проведенный анализ, лишь от одной пятой (22% по РА-Х) до чуть более одной трети гуманитарных перемирий (36,5% по ETH/PRIО CF) заключаются уже в ходе мирного процесса – на разных его стадиях после начала переговоров о мире (и 38% таких перемирий по ETH/PRIО CF включают поддержку мирного процесса на уровне заявленных целей). Согласно авторской типологии, лишь эти гуманитарные перемирия подпадают под категорию «перемирий ради мира». Это значит, что вне зависимости от конкретной базы (источника) данных, в связке с реальными перемириями – то есть в условиях хотя бы относительного и минимально гарантированного прекращения огня – гуманитарные вопросы гораздо чаще связаны с перемириями как временной паузой в военных действиях, чем с мирными процессами. Иными словами, гуманитарные перемирия *наиболее типичны* для периодов активно идущих военных действий или вялотекущего насилия в отсутствие мирных переговоров. Именно в таких условиях заключается от почти двух третей всех гуманитарных перемирий (по данным ETH/PRIО CF) до почти 80% тех из них, которые носят как минимум двусторонний характер и подтверждены документально (по данным РА-Х).

Эту сравнительную картину позволяет уточнить доступная только при работе с ETH/PRIО CF возможность распределить гуманитарные перемирия по типу их исхода. Проведенное исследование показывает, что более 40% всех гуманитарных перемирий имели *неявные исходы*, включая возобновление вооруженных столкновений в промежутках между серией перемирий. Эти варианты типичны для перемирий как промежуточного формата «ни мира, ни войны» – одного из трех видов, выделяемых, согласно авторской типологии, наряду с перемириями как элементом военных действий и перемириями «ради мира». Такая высокая доля неявных исходов среди гуманитарных перемирий в целом соответствует формам завершения самих современных конфликтов (среди которых более также лидируют неявные исходы по типу «ни мира, ни войны», составившие 57% всех вариантов «завершения» конфликтов).

Таким образом, в рамках авторской типологии перемирий – их классификации по сочетанию глубинного целеполагания сторон с тем, к какому этапу конфликта они относятся – значительное большинство гуманитарных перемирий либо подпадают под категорию перемирий как части и этапа военных действий («перемирия военного времени»), либо укладываются в формат «ни мира, ни войны».

В практическом плане результаты проведенного исследования отнюдь не снижают ценности гуманитарных перемирий и не обесценивают их гуманитарный смысл. Полученные научные результаты, основанные на сравнительном анализе существующей статистики, лишь дают более полную, сбалансированную и

объективную картину и позволяют развеять ряд ложных мифов, популярных в медиа, распространенных в обществе и часто служащих средством политических манипуляций. С точки зрения урегулирования современных вооруженных конфликтов, избавление от этих иллюзий имеет конкретный практический смысл – и не только в плане отказа от завышенных ожиданий от гуманитарных перемирий. Например, в ряде случаев гуманитарные перемирия на этапе продолжающегося вооруженного противостояния в отсутствие мирных переговоров могут не приблизить, а даже, напротив, отдалить начало реального мирного процесса, так как они способствуют определенному временному снижению уровня вооруженного насилия, что, в свою очередь, ослабляет стимулы к ведению сторонами конфликта переговоров о мире.

В более широком плане все это еще раз подчеркивает, что гуманитарные аспекты – не причина, а следствие конфликта. При всей важности задач по облегчению тяжелой гуманитарной ситуации для населения конфликтной зоны, их полноценное решение возможно только в случае разрешения самого конфликта – либо военным путем, либо путем мирных переговоров, либо посредством сочетания военных и политических методов урегулирования. Все остальное – паллиатив, смягчение симптомов в отсутствие лечения самой болезни или лекарства от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Степанова Е. А. Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны» // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 1 (72). С. 43–74.

² Там же. См. также главу 2 «Перемирие как формат взаимосвязи мирного процесса и насилия» в монографии: Степанова Е. А. *Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие*. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. С. 41–67.

³ Åkebo M. Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study. – Abingdon: Routledge, 2016; *Understanding Ceasefires*. Eds. C.Bara, G.Clayton, S.A.Rustad. *International Peacekeeping: Special Issue*. 2021. V. 28. № 3. P. 329–525; Clayton G., Nygård H. M., Rustad S. C. A., Strand H. *Ceasefires in civil conflict: a research agenda* // *Journal of Conflict Resolution*. 2023. V. 67. № 7–8. P. 1279–1295.

⁴ См., например, UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. 2022. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement>.

⁵ Степанова Е. А. Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны».

⁶ PA-X Peace Agreements Database and Dataset: Version 9. 1990–2024. Peace and Conflict Resolution Evidence Platform (PeaceRep). The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org> (далее везде PA-X. V. 9).

⁷ ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF). Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (ETH), Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://ceasefireproject.org/download> (далее везде: ETH/PRIO CF).

⁸ Clayton G., Nygård H. M., Strand H., Rustad S. C. A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., Bara C. *Introducing the ETH/PRIO civil conflict ceasefire dataset* // *Journal of Conflict Resolution*. 2023. V. 67. № 7–8. P. 1430–1451. [Online First 12 October 2022].

---

⁹ Bell C., Badanjak S., Farquhar A., Beaujouan J., Epple T., Forster R., Hodge J., Jamar A., McNicholl K., Molloy S., Nash K., Pospisil J., Wilson R., Wise L. PA-X Codebook, Version 9. Peace and Conflict Resolution Evidence Platform (PeaceRep). – Edinburgh: University of Edinburgh, 2025. P. 11 (далее везде PA-X Codebook. V. 9.).

¹⁰ Forster R. Ceasefire Arrangements. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. – Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2019. P. 2.

¹¹ См. главу методологов PA-X: Bell C., Wise L. Peace processes and their agreements // Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict. Eds. R. Mac Ginty, A. Wanis-St. John. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 389.

¹² Bara C., Clayton G., Rustad S. A. Understanding ceasefires // International Peacekeeping. 2021. V. 28. № 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 332.

¹³ Clayton G., Nygård H. M., Strand H., Rustad S. C. A. et al. Op. cit. P. 1434; Clayton G., Wiehler C. Civil Conflict Ceasefire Dataset – Codebook V. 1.1. Ceasefire Project. Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule (CSS ETH) Zurich; Centre for Humanitarian Dialogue [Geneva]. 6 November 2024. P. 1 (далее везде ETH/PRIO CF Codebook V. 1.1).

¹⁴ По подсчетам специалистов ETH/PRIO CF, около 68% перемирий не зафиксированы документально (на бумаге). Clayton G., Nygård H. M., Strand H., Rustad S. C. A. et al. Op. cit. P. 1432.

¹⁵ Подсчеты автора по ETH/PRIO CF. Подробнее о методологии базы данных см. Clayton G., Nygård H. M., Strand H., Rustad S. C. A. et al. Op. cit.

¹⁶ Подсчеты автора по PA-X. V. 9 и ETH/PRIO CF.

¹⁷ Подсчеты автора по ETH/PRIO CF; Clayton G., Nygård H. M., Strand H. et al. Op. cit.

¹⁸ UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Version 23.1. 1946–2022. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University; Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway). 2023. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict>.

¹⁹ Peace Agreement Dataset (Local Agreements). 1990–2024. Political Settlements Research Programme. The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (далее везде: PA-Local).

²⁰ Åkebo M. Op. cit. P. 3.

²¹ Подсчеты автора по PA-X. V. 9.

²² Там же.

²³ Из 301 декларативных перемирий в PA-X не конкретизированные и мало к чему обязывающие общие призывы к прекращению огня сочетались с упоминанием гуманитарной помощи почти в четверти случаев (в 74, или в 24,6%, таких соглашений). Подсчеты автора.

²⁴ Подсчеты автора по PA-X. V. 9.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ ETH/PRIO CF Codebook V.1.1. P. 13; Clayton G., Nygård H. M., Strand H. et al. Op. cit. P. 1441. Перемирия, в задачи которых входит ремонт или обслуживание инфраструктуры считаются гуманитарными только в том случае, если эта инфраструктура имеет критическое значение для гражданского населения (например, система водоснабжения).

---

²⁸ Подсчеты авторы по PA-X. V. 9. О классификации конфликтов в PA-X по составу участников см. PA-X Codebook. V. 9. P. 16–17.

²⁹ Подсчеты автора по PA-Local.

³⁰ В специализированной базе в рамках PA-X – PA-Local – зарегистрировано лишь 367 локальных перемирий за период 1990–2024 годов, в том числе между негосударственными вооруженными игроками (и лишь 18 из них включали положения о гуманитарной помощи). Однако PA-Local пока упускает большинство таких перемирий (что методологи этой базы честно признают), так как они редко фиксируются на бумаге, могут носить односторонний характер и их часто трудно выявить и зафиксировать в силу их локального характера, если не проводить тщательное предметное (а желательны и полевое) исследование конкретного конфликта. Исследования отдельных кейсов (особенно сложных, сильно фрагментированных конфликтов, подобных сирийскому) показывают, что, например, только в Сирии локальных перемирий за период 2011–2021 годов насчитывалось более 140, что почти в два раза превышало число остальных перемирий в сирийском конфликте за тот же период. Подробнее см. Karakuş D. C. Resolution of local conflicts involving armed Islamists: The Syrian civil war, 2011–2021 // Pathways to Peace and Security. 2023. № 1 (64). P. 58–75.

³¹ Подсчеты авторы по PA-X. V. 9.

³² См. Степанова Е. А. Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны».

³³ Подсчеты автора по ETH/PRIO CF.

³⁴ ETH/PRIO CF Codebook V.1.1. P. 15.

³⁵ Подсчеты автора по: UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021. 1946–2020. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. 2021. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination>. Подробнее см. Степанова Е. А. Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие. С. 26–27, в том числе Рис. 2 на С. 26.

³⁶ Clayton G., Nygård H. M., Strand H. et. al. Op. cit. P. 1445.

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

- Åkebo M. (2016). *Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study*. Abingdon: Routledge. 230 p.
- Bara C., Clayton G., and Rustad S. A. (2021). Understanding ceasefires. *International Peacekeeping*. V. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 329–340. DOI: 10.1080/13533312.2021.1926236.
- Bara C., Clayton G., and Rustad S. A. (eds.). (2021). *International Peacekeeping*. 2021. V. 28. No. 3. *Special Issue: Understanding Ceasefires*. P. 329–525.
- Bell C., Badanjak S., Farquhar A., Beaujouan J., Epple T., Forster R., Hodge J., Jamar A., McNicholl K., Molloy S., Nash K., Pospisil J., Wilson R., and Wise L. (2025). *PA-X Codebook, Version 9*. Peace and Conflict Resolution Evidence Platform (PeaceRep). Edinburgh: University of Edinburgh. 77 p. URL: https://www.peaceagreements.org/cms/documents/4196/PA_X_codebook_v9.pdf.
- Bell C. and Wise L. (2022). Peace processes and their agreements. In: *Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict*. Eds. R. Mac Ginty and A. Wanis-St. John. Cham: Palgrave Macmillan. P. 381–406.
- Clayton G., Nygård H. M., Rustad S. C. A., and Strand H. (2023). Ceasefires in civil conflict: a research agenda. *Journal of Conflict Resolution*. V. 67. No. 7–8. P. 1279–1295. DOI: 10.1177/00220027221128300.
- Clayton G., Nygård H. M., Strand H., Rustad S. C. A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., and Bara C. (2023). Introducing the ETH/PRIO civil conflict ceasefire dataset. *Journal of Conflict Resolution*. V. 67. № 7–8. P. 1430–1451. DOI: 10.1177/00220027221129183.

-
- Clayton G. and Wiehler C. (2024). *Civil Conflict Ceasefire Dataset – Codebook V. 1.1*. Ceasefire Project. Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule (CSS ETH) Zurich; Centre for Humanitarian Dialogue [Geneva]. 6 November. 18 p.
URL: https://ceasefireproject.org/wp-content/uploads/2024/11/CF-Codebook-V_1.1.pdf.
- (2022). *ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF)*. CSS ETH Zürich, Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://ceasefireproject.org/download>.
- Forster R. (2019). *Ceasefire Arrangements*. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. 15 p.
URL: <https://www.peaceagreements.org/publication/28>.
- Karakuş D. C. (2023). Resolution of local conflicts involving armed Islamists: the Syrian civil war, 2011–2021. *Pathways to Peace and Security*. No. 1(64). P. 58–75. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-58-75.
- (2025). *PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements)*. 1990–2024. Political Settlements Research Programme. The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch>.
- (2025). *PA-X Peace Agreements Database and Dataset: Version 9*. 1990–2024. Peace and Conflict Resolution Evidence Platform (PeaceRep). The University of Edinburgh. Updated April.
URL: <https://www.peaceagreements.org>.
- Stepanova E. (2023). *Mezhdunarodnyye protsessy i voynnyye protsessy i vooruzhonnnoye nasiliye* [Between War and Peace: Peace Processes and Armed Violence]. Moscow: National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 198 p.
DOI: 10.20542/978-5-9535-0620-5.
- Stepanova E. (2022). Peace process: on substantive definition. *World Economy and International Relations*. V. 66. No. 9. P. 5–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5-18.
- Stepanova E. (2023). Peremiriye kak component voiny, etap mirnogo protsessa ili format “ni mira, ni voiny” [Ceasefires as a part of war, peace process, or a “no peace, no war” format]. *Mezhdunarodnyye protsessy* [International Trends]. V. 21. No. 1(72). P. 43–74. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.6.
- (2021). *UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021*. 1946–2020. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University.
URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination>.
- (2022). *UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1*. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University.
URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement>.